
DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-069-091

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕАКЦИЯ НА РУССКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1912 Г.

© 2023

С. А. Кузьмин¹

Обсуждается восприятие Русско-Монгольского соглашения 1912 г. в разных странах мира. Данное соглашение, при выработке и подписании которого Россия исходила, в первую очередь, из собственных интересов, в то же время объективно поддерживало право монгольского народа на самоопределение в период коллапса маньчжурской империи Цин. Данное соглашение вызвало резко негативную реакцию политических и общественных кругов Китайской республики и в целомдержанную реакцию держав Запада и Японии. Претензии Китайской республики на всю территорию бывшей империи Цин, в том числе на Монголию, были основаны на традиционной китайской мироустроительной концепции, которую в силу международной политической конъюнктуры и исторических причин разделяли державы, считавшие Китайскую Республику преемницей всей империи Цин. Только Российская империя оказалась тем государством, которое смогло обеспечить автономию (фактическую независимость) Внешней Монголии и ее государствоустройство. Позиции остальных держав в тот период согласовались с их отношениями лишь между собой, а также с Китаем; ни одна из них не поддержала Монголию. Рассматриваемый документ был первым в новой истории международным соглашением объявившей независимость Монголии, признавшим ее государственность и положившим начало дипломатическим отношениям Монголии с Россией. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и принятая с его учетом Русско-Китайская декларация 1913 г. в определенной мере послужили образцом для нескольких других международных актов: «21 требования» Японии к Китаю 1913 г., Монголо-Тибетского договора 1913 г. и Симлской конвенции между Великобританией и Тибетом 1914 г.

Ключевые слова: Русско-Монгольское соглашение 1912 г., международные отношения, независимость, самоопределение, Россия, Монголия, Китай

Для цитирования: Кузьмин С. А. Международная реакция на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 69–91. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-069-091

INTERNATIONAL REACTIONS TO THE 1912 RUSSO-MONGOLIAN AGREEMENT

Sergius L. Kuzmin

---

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

The perception of the 1912 Russo-Mongolian Agreement in different countries of the world is discussed. This Agreement, at the elaboration and signing of which Russia had based primarily on her own interests, at the same time supported the right of Mongolian people to self-determination in the period of the Manchu Qing Empire collapse. This Agreement caused sharply negative reaction of political and public circles of the Republic of China, and a generally discreet reaction from Western powers and Japan. Claims of the Republic of China to the entire territory of the former Qing Empire, including Mongolia, were based on the traditional Chinese worldview, which, due to international political conjuncture and historical reasons, was shared by the powers that considered the Republic of China the successor of the Qing Empire, including whole territory of the latter. At that time, the Russian Empire was the only state capable to ensure the autonomy (in fact, independence) of the Outer Mongolia, which laid foundations for her development as a sovereign state. Positions of the world powers at that time were consistent with their relations only with each other, as well as with China; neither of these powers, except for Russia, supported Mongolia. The 1912 document was the first international agreement in modern history signed by Mongolia after her proclamation of independence. This Agreement recognized her statehood; it meant the start of bilateral diplomatic relations between Mongolia and Russia. The Russo-Mongolian Agreement of 1912 and the Russo-Chinese Declaration of 1913 served to some extent as models for several other international acts: the «21 demands» of Japan to China in 1913, the Mongol-Tibetan Treaty in 1913 and the Shimla Convention between Great Britain and Tibet in 1914.

Keywords: The 1912 Russo-Mongolian Agreement, international relations, independence, self-determination, Russia, Mongolia, China

For citation: Kuzmin S. L. International Reactions to the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 69–91. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-069-091

Русско-Монгольское соглашение 21 октября/3 ноября 1912 г.², означавшее международное признание Монгольского государства, вызвало определенный резонанс в мире. Сведения об этом разбросаны по многим источникам и до сих пор не проработаны детально, несмотря на важность этого для понимания того, как новая Монголия вступала на путь международного признания.

Основными источниками по данному вопросу являются официальные материалы России, Китая, Японии и некоторых стран Запада, хранящиеся в соответствующих архивах, частично опубликованные в периодической печати (прежде всего Китая и России) и в некоторых сводках; оценки соглашения, обстоятельств и последствий его заключения политическими и общественными деятелями того времени; освещение данного соглашения в прессе разных стран.

Россия и Монголия

Российский император Николай II, прочитав донесение об обстоятельствах подписания соглашения 1912 г. и об успешном преодолении трудностей российским уполномоченным И. Я. Коростовцом, 14 ноября 1912 г. начертал резолюцию: «Хорошо» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 41–41об., рукопись с машинописным указанием резолюции императора]. В тот же день министр иностранных дел С. Д. Сазонов телеграфировал Коростовцу в Ургу: «На всеподданнейшем докладе моем об обстоятельствах, при коих Вами заключено соглашение 21 октября с Монгольским Правительством, Государю Императору благоугодно было начертать: “Выражаю Мою благодарность Коростовцу”. Поздравляю Вас с этим знаком Монаршей милости» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 50, рукопись С. Д. Сазонова].

² Здесь и ниже в таких случаях указываются даты по старому и новому стилю.

Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. вызвало отклики в российской прессе. Правые националисты призывали аннексировать Монголию без уступок Китаю, другие призывали сделать из независимой Монголии государство-буфер. Сибирская же пресса, заинтересованная в монгольском рынке, поддерживала политические мероприятия России в Монголии. Либеральная кадетская пресса и лидер партии кадетов П. Н. Милюков были против присоединения Монголии к России, чтобы не подрывать отношений с Китаем [Лузянин, 2003, с. 55–56]. В своих воспоминаниях Милюков назвал данное соглашение несомненным успехом политики Сазонова [Милюков, 1991, с. 347].

В целом основными в общественном мнении России были два направления: за присоединение к России Монголии и за оказание помощи в становлении ее национальной государственности [Кузьмин Ю. В., 1994, с. 78]. С этим резко контрастировала реакция российских революционеров. В 1912 г. фракция социал-демократов в Государственной думе заклеймила «захват Монголии, нарушающий добрые отношения к великой, братской Республике Китайской». В. И. Ленин заявил, что «царизм» хочет захватить Монголию [Ленин, 1968, с. 203, 1969, с. 162] — хотя в действительности Россия никогда не собиралась присоединять ее [Коростовец, 2004, с. 44]. Однако указанный ложный взгляд стал основой коммунистических штампов — например, что «превращение Монголии в колонию было конечной целью царизма» [Златкин, 1957, с. 142, 144]. В Китае такой взгляд существует и в настоящее время [например, Liu, 2005, р. 80–84].

В Монголии соглашение было воспринято положительно, за исключением части феодалов, преимущественно из Внутренней Монголии, зависевших от Китая (подробнее см. ниже). По свидетельству Коростовца, монголы, подписавшие соглашение, выражали радость, а глава (Богдо-хан) Монголии — Богдо-гээн Джебцундамба-хутухта VIII на следующий день передал поздравления в российское консульство в Нийслэл-хурэ (Урге) [Батсайхан, 2018, с. 173]. В Царском Селе 7 декабря 1912 г. была получена телеграмма из Урги: «Его Императорскому Величеству. Представители возрожденной милостями Вашего Императорского Величества к новой жизни Монголии в лице князей и чинов нашего военного и гражданского ведомства, собравшись в Императорском Консульстве, просят меня повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества чувства благоговейной признательности и беспредельной преданности. Действительный статский советник Коростовец». На телеграмме Николай II начертал синим карандашом: «Искренно благодарю» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 140, оригинал].

Таким образом, Российско-Монгольское соглашение 1912 г. в обеих странах было воспринято в целом положительно. Преобладающим общественным мнением была поддержка того, что Монголия не должна стать провинцией Китая. Лишь российские социал-демократы и немногочисленные монгольские коллаборационисты были резко против этого соглашения, считая Монголию неотъемлемой частью Китая, которую хочет отобрать Россия. Их мнение совпадало с таковым китайских (ханьских) националистов. Последнее следует рассмотреть подробнее.

Китай

Факт переговоров И. Я. Коростовца с монголами в Нийслэл-хурэ не был секретом для правительства Китая, тем более что эти переговоры начались после того, как Китай отказал России в посредничестве с Монголией после провозглашения последней независимости в 1911 г. Позиция Китая состояла в том, что он должен урегулировать монгольский вопрос без

посредников. В связи с этим китайские власти использовали монгольских аристократов, живших в Китае, а руководителей независимой Монголии пытались склонить на свою сторону.

19 октября/1 ноября 1912 г. находившийся в Нийслэл-хурэ Коростовец телеграфировал Сазонову, что от президента Юань Шикая, монгольского князя Наянту, а также высших лам Чжанчжа-хутухты и Ганжурува-хутухты в Пекине «получены Богдоханом и князьями телеграммы, предсторегающие относительно заключения с нами соглашения, приглашающие отказаться от независимости и обещающие в замену всевозможные льготы и крупные денежные подачки. Одновременно в Ургу прибыл Ларсен, имевший уже свидания с Сайн-нойоном и Да-ламой³ и передавший им предложения Президента в том же смысле и американского синдиката относительно постройки железной дороги от Калгана в Ургу и выдачи 1 миллиона в счет концессионных сумм» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 93; ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 216; Сборник дипломатических..., 1914, с. 22].

Слухи о предлагаемом Россией соглашении с Китаем об автономии Внешней Монголии вызвали поток агитации против Юань Шикая. Китайцы, считавшие Монголию своей провинцией, смотрели на это соглашение «как на отделение Монголии от Китая с целью захвата ее Россией» [Новая жизнь, 11.12.1912]. Говорили о его положительном отношении к такому соглашению [Washington Herald, 15.11.1912]. На имя Юань Шикая шел поток телеграмм из Китая с требованием войны с Россией. После того как появились сообщения о возможном посредничестве французской и японской сторон, поднялся вал протестов. Особенно смешной китайцам казалась идея о посредничестве Японии, которая якобы долго верила в соглашение с Россией о разделе с ней Китая. Появились слухи, что некоторые генералы собираются двинуть войска против русских в Монголии, не ожидая приказа или согласия президента [Washington Times, 16.11.1912]. Из Пекина сообщали о растущем энтузиазме китайцев в связи с «агрессией России в Монголии», наборе отрядов добровольцев [The Sun, 19.11.1912].

22 октября/4 ноября 1912 г. китайский посланник в Петербурге Лу Цзиньжэн по поручению своего правительства обратился к С. Д. Сазонову по поводу российско-монгольских переговоров. Сазонов ответил, что за разъяснениями надо обращаться к российскому посланнику в Пекине В. Н. Крупенскому [Белов, 1994, с. 108–118]. 25 октября/7 ноября Крупенский телеграфировал в Петербург, что в связи с переговорами Коростовца в Урге МИД Китая «считает долгом заявить, что Монголия является составной частью Китая и, хотя в ней и происходят волнения, но она отнюдь не правоспособна заключать соглашения с иностранными государствами. Ныне министерство имеет честь официально сообщить, что китайское правительство не признает никаких соглашений, заключаемых российским правительством с Монголией» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 15–15об.].

26 октября/8 ноября 1912 г. российский «Правительственный вестник» (№ 234) опубликовал текст соглашения [Правительственное сообщение..., 1913, с. 46–48]. В тот же день Крупенский сообщил министру иностранных дел Китая текст Русско-Монгольского соглашения. Тот ответил, что китайское правительство не может признать это «соглашение, заключенное иностранной державою с одной из составных частей Китая без согласия на то центрального правительства». Министр заметил также, что Россия признала монгольское правительство, но все еще отказывает в признании Китайской Республики. Крупенский возразил, что соглашение не означает признания независимости монгольского правительства, а к принятию данного решения российскую сторону вынудил «образ действий китайского правительства, упорно не желавшего

---

³ Приближенные Богдо-хана Сайн-нойон-хан Т. Намнансурэн и да-лама Г. Цэрэнчимэд.

даже приступить к разрешению монгольского вопроса совместно с нами» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 658, л. 265; Сборник дипломатических..., 1914, с. 32].

29 октября/11 ноября у Юань Шикая состоялось совещание по монгольскому вопросу. Там решили заявить России о предоставлении ей права строить железную дорогу и разрабатывать природные богатства Монголии, пожаловать Хутухте и министрам Монголии высшие титулы при признании власти Китая, поручить китайскому посланнику в Берлине обратиться к правительству Германии с просьбой о поддержке в борьбе с Россией за Монголию [Белов, 1994, с. 108–118]. 31 октября/13 ноября состоялось секретное заседание китайской палаты представителей. На нем правительство по запросу по поводу Русско-Монгольского соглашения «высказалось в смысле невозможности в настоящую минуту вести войну с Россией». Палата присоединилась к мнению первого министра, что наилучший способ — «обращение к посредству Франции или другого государства и принятие вместе с тем мер к побуждению Хутухты добровольно отказаться от независимости». Китайцы пытались склонить к посредничеству с Россией и германского посланника в Китае, но тот отказался. Министр иностранных дел, стоявший за «энергичный образ действий в монгольском вопросе», подал в отставку из-за разногласий с президентом. Последний сваливал всю вину на министра иностранных дел [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 10–10об.].

По сообщению британской «Таймс» из Китая, причина отставки была несколько другой. В августе 1912 г. появился британский меморандум по поводу Тибета, который вызвал негодование в Китае, а затем «русское соглашение с Монголией упало подобно искре на порох». Будучи бессильны против России, пекинские политики, «проникнутые злобою на расхищение Китая», дали выход чувствам в нападках на собственное правительство. Кабинет министров собирался подать в отставку, но тут вину взял на себя министр иностранных дел⁴. Проходили совещания, один из участников предложил союз с Японией для войны против России. В корреспонденции отмечалось: «Подобие между тибетским и монгольским делом весьма близко. Китайские права над обеими территориями были весьма туманны. Обе области до последних лет пользовались административной независимостью. Великобритания и Россия объявили об одном и том же по отношению к Тибету и Монголии — о невмешательстве в их самоуправление. <...> Монголия свергла китайское ярмо, Россия признала новое государство и стала непосредственно с ним сноситься, хотя она была готова иметь дело и с Китаем, если бы последний выказал большее желания пойти ей навстречу» [Новая жизнь, 12.12.1912].

Осенью 1912 г. Русско-Монгольское соглашение стало излюбленной темой китайской прессы. «Все китайские газеты без различия направлений полны угроз по адресу Монголии и ее заступницы — России и печатают воззвания к народу о необходимости, если Россия не откажется от своих притязаний на Монголию, разрешить вопрос оружием. Всюду твердят, что Россия положила начало разделу Китая и что в самом непродолжительном времени Англия возьмет себе Тибет, Япония — Южную Маньчжурию, Германия — Шаньдун и т. д. Страницы газет пестрят перечислением имен жертвователей в пользу монгольской экспедиции и жертвуемых ими сумм. Каждая провинция, по газетным сведениям, готова отправить на театр военных действий часть своих войск и содержать таковую за свой счет. Народ, начиная от богатого купца и кончая рикшами и кули, энергично агитирует за войну и готов уделять на ведение последней часть своих доходов. <...> Несколько дней назад торговая палата в Ханькоу постановила

---

⁴ Сохранился перевод текста прокламации, после появления которой он подал в отставку [Думы Забайкалья, № 508, 13.12.1912].

бойкотировать русские товары и все русское» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 73–73об.; ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 22–38].

Интересный анализ освещения материалов по данному вопросу в китайской прессе дал современник — известный китаевед И. Г. Баранов. По его данным, китайская пресса сначала не поверила официально объявленным статьям Русско-Монгольского соглашения: они были сочтены опубликованными для отвода глаз. В действительности же, по словам китайских газет и журналов, между Россией и Халхой был заключен секретный договор из 32 статей. Орган китайских националистов «The Republican Advocate» (Шанхай, 1912, № 35, 9, XI) привел главнейшие из них: «1) Монголия заимообразно получает от России 5 млн руб.; 2) монголам предоставляется право принимать русское подданство; 3) Россия должна объявить Китайскому правительству, что автономия Монголии неприкосновенна; 4) Россия будет оказывать монгольскому правительству денежную поддержку под условием надзора России над финансами Монголии; 5) Россия получает исключительное право на разработку ископаемых богатств Монголии; 6) монгольские войска будут обучаться русскими инструкторами, и 7) за защиту от вторжения внешних врагов Монголия будет уплачивать России ежегодно 120 тыс. руб.». Пекинская патриотическая газета «Ай-го бао» писала 26.11.1912, что, по газетным сведениям, от Китая отпадает не только Внешняя Монголия, но и территории к северу от Великой китайской стены. «Бэйцзин жибао» писала 03.12.1912, что часто японские сведения переводятся европейскими и американскими газетами, а оттуда переводятся китайскими. «Если японцы хотят, чтобы какое-либо известие появилось в китайских газетах, они выдают его нашим корреспондентам за тайное, и это известие сейчас же появляется во всех наших газетах». Статья «секретного» Русско-Монгольского договора, что Россия согласилась помочь Внешней Монголии присоединить китайские земли к северу от Великой стены, появилась 31 октября в издаваемой японцами пекинской газете «Шунь-тянь ши-бао», а 2 ноября она была перепечатана в отделе важных известий всеми другими пекинскими газетами (Бэйцзин жибао, 03.12.1912). «Ай-го бао» писала 26.11.1912, что, если другие государства будут поступать так же, как Россия, Китай будет разделен. Из маньчжурских газет наибольшей русофобией отличалась издававшаяся в Фучзянине газета «Синь-дун чуй-бао». К Русско-Монгольскому соглашению резко отрицательно отнеслись многие европейские и американские периодические издания в Китае: «China Press», «Shanghai Mercury», «National Review», «Celestial Empire». Это усиливало ненависть в китайском обществе. Юань Шикай в речи к делегатам китайских политических партий сказал, что правительство решило беречь независимость Китая и его суверенные права на Монголию, пользуясь для этого лишь мирными средствами; китайское правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела Монголии, так что князья, провозгласившие независимость, должны отказаться от оппозиционного настроения. В освещении Русско-Монгольского соглашения китайская печать в основном придерживалась трех позиций: это соглашение нарушает суверенные права Китая; это начало раздела Китая; это акт, против воли большинства монгольских князей созданный Хутухтой и кучкой его приверженцев благодаря интригам России [Баранов, 1913, с. 77–86].

Националистическая партия Гоминьдан осуждала Русско-Монгольское соглашение примерно так же резко, как китайская националистическая пресса. Она требовала от правительства действовать радикально. Лидер Гоминьдана Сунь Ятсен направил китайскому парламенту телеграмму, где писал: «По моему мнению, Русско-Монгольское соглашение должно быть отвергнуто, в противном случае аналогичная [Монголии — С. К.] судьба постигнет Синьцзян, Тибет и Маньчжурию». Движение против Русско-Монгольского соглашения началось в южном Китае, где влияние Гоминьдана было довольно сильным. Вместе с Гоминьданом против

соглашения выступили три другие партии, не находившиеся в оппозиции к Юань Шикаю: Гунхэдан, Миньчжудан, Туньидан. Они созывали общие митинги, принимали общие резолюции и т. д. [Белов, 1994, с. 108–118].

Сунь Ятсен выступил с фантастическим проектом посылки нескольких армий для разгрома России. Юань Шикай не одобрил этот план, признав его преждевременным: на его запрос губернаторам провинций семь из них высказались за мирное решение, 10 — за войну, четыре предложили сначала попытаться уговорить монголов. Даже в Северном Китае были митинги, прокламации против русских, бойкот Русско-Азиатского банка, русских товаров, сбор денег на войну с Россией, призывы к оружию [Баранов, 1913, с. 80–85; Коростовец, 2004, с. 305–307; 2009, с. 208].

Военные губернаторы 10 провинций, выступившие за войну, предлагали двинуть все военные силы против Монголии и прекратить переговоры с Россией. Их поддержал вице-президент Китая Ли Юаньхун. В Шанхае, Пекине и других городах были созданы «общества спасения Монголии», которые издавали антироссийские прокламации, вели сбор средств на военную экспедицию в Монголию. Командующий войсками Гуандуна послал Юань Шикаю телеграмму, что Монголия — издавна вассальная земля Китая, вслед за Россией за счет Китая «вознаградят себя» Англия, Франция и Япония, «Маньчжурия, Тибет и Западный Китай [Синьцзян — С. К.] последуют один за другим». Были призывы «непременно уничтожить жестокую Русь, как истреблены были хуны» [Анья бао, 17.10.1912; Миньжи бао, 20.10.1912 — АВПРИ, ф. Китайский стол, д. 403, л. 203–206, 224 — цит. по: Белов, 1994, с. 108–118]. В Пекине и провинции Шаньси создавались женские «патриотические общества», чтобы формировать женские отряды для войны с Россией. В театрах Гуанчжоу, Шанхая, Пекина и других городов ставились антирусские пьесы, шел бойкот отделений Русско-Азиатского банка в Гонконге, Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Яньяе. В Ханькоу на русских чайных фабриках прошли забастовки, одна фабрика была подожжена [Белов, 1994, с. 108–118].

Население Маньчжурии, в отличие от Китая, вначале вело себя индифферентно по отношению к Русско-Монгольскому соглашению. Там пошли разговоры о том, почему бы и ее не сделать автономией, раз Монголия стала автономией. Настроения стали меняться после масового прибытия из Пекина агитаторов против России (в основном из молодежи) [Харбинский вестник, 18.12.1912].

По сведениям консула в маньчжурском городе Цицикаре С. В. Афанасьева, туда в ноябре, минуя железную дорогу, доставлялось много огнестрельного оружия, боеприпасов, формировались части армии и полиции; пресса возбуждала антироссийские настроения; в Северной Маньчжурии проходили митинги при участии чиновников, выступавших с горячими речами против России, призывающих население жертвовать деньги на ведение войны с ней [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 649, л. 137–141об.]. По сообщению чинов жандармского надзора на Дальневосточной окраине России, в ноябре 1912 г. в Северную Маньчжурию прибыли 16 китайцев из общества «Чжо-пао-дан» (бомбисты). Цель этого общества, легализованного в Китае и поддерживавшегося тогда правительством, — борьба против иностранцев, в том числе террором. Пятеро из них направлялись в Харбин, трое были задержаны там китайскими властями 17/30 ноября с бомбами. Они сознались в намерении взорвать мост через реку Сунгари. Харбинский даотай Ли Тяо уговорил их пока воздержаться от выполнения их планов. Два других бомбиста выехали в Ургу. Среди местного китайского населения проводился сбор средств на военные нужды [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 146–147, 161–162].

И. Я. Коростовец писал, что те двое собирались убить его самого, Богдо-гэгэна и сочувствовавших им монголов [Коростовец, 2009, с. 265].

В связи с тем, что достаточно широкие круги китайского общества требовали войны, вопрос обсуждался центральными властями Китая. При обсуждении Русско-Монгольского соглашения в Пекине китайскими министрами представители армии и флота заявили о невозможности крупных военных действий в Монголии. В итоге Государственный совет решил: если китайский протест против Соглашения не возымеет действия, обратиться к посредничеству Англии, Франции, Японии и Америки. В резолюции госсовета предлагалось поддерживать с Японией дружественные отношения; попытаться уладить русско-монгольский вопрос мирным путем, в случае неуспеха обратиться к силе оружия; обратиться с протестом к державам по поводу действий России, попросить поддержать Китай в требовании изменить русско-монгольский договор на русско-китайский. Дипломатический корпус в Пекине приватно попросил Крупенского называть русско-монгольское соглашение русско-китайским. Крупенский обещал связаться с Петербургом [Харбинский вестник, 09.11.1912, 10.11.1912].

12 ноября (н. ст.) состоялось закрытое заседание парламента. На нем премьер-министр Чжао Бинцзюнь, военный министр Дуань Цижуй, министр финансов Сюн Силин доказывали, что войну с Россией из-за Халхи вести нельзя, монгольский вопрос надо решать мирным путем. По мнению Чжао Бинцзюня, если это не будет получаться — надо прибегнуть к посредничеству Японии, Англии, США, Франции. Сюн Силин объяснял, что у правительства нет денег на военную экспедицию в Халху. Дуань Цижуй говорил, что военный поход очень труден из-за большого расстояния, плохих путей сообщения, предстоящих зимних холодов, недостатка продовольствия в Монголии [Белов, 1994, с. 108–118].

В конце 1912 г. китайское правительство обратилось к французскому посланнику в Пекине Конти выступить посредником в переговорах между Россией и Китаем по монгольскому вопросу. Согласившись с этим, французский посланник попытался убедить Крупенского в справедливости притязаний Китая на Монголию [АВПРИ, Китайский стол, д. 136, л. 231–232]. Дипломатический зондаж Франции оказался неэффективным [Лузянин, 2003, с. 63].

В ноябре 1912 г. большинство китайских министров и других лиц, принимавших участие в совещаниях по монгольским делам, были крайне враждебно настроены против России, угрожали походом против Халхи, выступали на митингах и в печати «о якобы охватившем весь четырехсотмиллионный китайский народ патриотическом воодушевлении», не желали примириться с фактом подписания Соглашения [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 53–55об.].

С этим сообразовывалась направлявшаяся центральными и провинциальными властями деятельность монгольских коллаборационистов, живших в Китае и Внутренней Монголии. Почти все владетельные князья Внутренней Монголии заявили о своем подданстве Богдо-гэгэну. Однако те немногие, которые были против, выдавали свое мнение за мнение большинства.

«Го-фын жи-бао» 20 октября/2 ноября 1912 г. (за день до подписания соглашения) напечатала статью «Русско-монгольское соглашение с точки зрения монголов», где мнение одного из монгольских князей, проживавших в Пекине на китайском содержании, выдавалось за мнение большинства монголов. Он заявлял: «Русско-монгольское соглашение является делом лишь одного Ургинского Хутухты, а потому это соглашение не только не может быть осуществлено во всей Монголии, но даже в областях, прилегающих к Урге, так как не только китайское правительство не признало это соглашение, но и весь монгольский народ не допустит, чтобы оно было введено в действие, ибо мы, монголы, не можем признать за Ургинским Хутухтой права действовать от имени всего монгольского народа, самовольно прерывать связь с Китаем. <...> Если бы

русское правительство, основываясь на постановлениях последнего своего соглашения с Хутухтой, пожелало бы вводить в Монголии свои порядки, то нам, монголам, осталось бы вступить в отчаянную борьбу с Россией для того, чтобы исполнить свой долг перед Китаем и не допустить захвата Монголии Россией» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 371, л. 40–41].

Согласно газете «Чжэн-фу гун-бао» от 22 ноября/5 декабря 1912 г., 13/26 ноября князья 10 хошунов Джеримского сейма на совещании в Чанчуне, узнав об ургинском соглашении, сказали, что все 10 хошунов «пожелали примкнуть к новому строю» и просили передать центральному правительству, что это соглашение ими не признается, что монголы — за республиканский строй. Это заявил председатель сейма. Президент это заявление одобрил, сказав, что оно «свидетельствует о ясном понимании ими высших государственных интересов», и решил поощрить [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. д. 371, л. 53–56; д. 376, л. 35]. Согласно «Бэйцзин жибао» от 21 января/03 февраля 1913 г., в г. Суйюаньчэн прошло совещание князей Уланцабского и Ихэджуского сеймов Внутренней Монголии в присутствии китайского посредника-умиротворителя Ван Чуаньцзюня. Постановили вывесить государственный флаг; выбрать членов в китайский парламент, следовать декретам президента и новым законам, все мероприятия предварительно обсуждать с военным губернатором, руководствоваться утвержденными палатой представителей статьями для Монголии, изложить основания, по которым «все князья единогласно» не признают Русско-Монгольское соглашение и т. д. [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 376, л. 13–19].

Целью таких инсценировок была демонстрация лояльности некоторых монгольских князей, а со стороны китайской прессы — демонстрация того, что независимость Монголии была делом не монголов, а России.

Вместе с тем обстоятельства складывались в пользу необходимости российско-китайских переговоров. В ноябре 1912 г. ушедший в отставку министр иностранных дел Лу Цзэнцзян согласился снова принять этот пост и взять на себя ответственность за переговоры по монгольскому вопросу [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 11]. В переговорах с Крупенским он настаивал, чтобы, кроме признания Монголии составной частью Китая, Россия также признала суверенные, а не сюзеренные права последнего, при этом предлагая редакцию соглашения, где порядок управления Монголией восстанавливался таким же, каким был при Цинской династии. Он отметил также, что китайцы согласны включить в автономную Монголию лишь Тушетханский и Цэцэнханский аймаки [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 39–39об.] — то есть примерно половину Внешней Монголии. В дальнейших переговорах он продолжал возражать против слов «сюзеренитет» и «автономия», а также против неупоминания о том, что Монголия составляет неотъемлемую часть Китая [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 59–59об.].

При этом «китайское правительство предложило России уничтожить ее договор с Монголией и, в свою очередь, обязывалось предоставить России в Монголии все принадлежащие теперь ей права, но только по договору, который был бы заключен с Пекином. Россия это предложение отвергла» [Вестник, 09.01.1913]. 6/19 ноября 1912 г. китайский посланник в Петербурге посетил Сазонова, попросил отказаться от Русско-Монгольского соглашения и затем приступить к переговорам по монгольскому вопросу. Сазонов ответил, что предложение запоздало: несколько месяцев назад Россия была готова к определению отношений с Монголией с одним китайским правительством, но безуспешно стремилась к обмену мнениями. Теперь же обью-доприемлемым может быть заключение между правительствами России и Китая «по монгольскому вопросу соглашения на началах нашего соглашения с ургинским правительством» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 34–35]. Сазонов указывал, что «ни взять обратно сообщенное

китайскому правительству соглашение и протокол 21 октября, ни считать их уничтоженными соглашением с Китаем мы, конечно, не можем. Мы долго меддили вступить в договорные отношения с ургинским правительством, и только нежелание китайцев идти навстречу нашим предложениям побудило нас заключить сказанное соглашение и протокол» [Сборник дипломатических..., 1914, с. 39]. По-видимому, в связи с этим 20 ноября (н. ст.) министр иностранных дел Китая посетил российскую миссию в Пекине и вновь потребовал объяснений по поводу русско-монгольской конвенции, «против которой вся китайская нация возражает и требует войны» [The Sun, 21.11.1912].

Готовя свое царствование в Китае, Юань Шикай был готов договориться с Россией по монгольскому вопросу, чтобы не портить с ней отношения. Вместе с тем он не решался открыто идти против требований отпора России. По причине требований о военной экспедиции в Цаган-Тункэ недалеко от Внешней Монголии накапливались китайские войска и вооружение — как для «защиты Алтайского округа», так и для «возвращения» уже занятого монголами Кобдоского округа западной Монголии. Например, в середине ноября 1912 г. начальник китайского отряда в Цаган-Тункэ предъявил командированному из Улясутая хорунжему М. И. Хоранову приказ синьцзянского ду-ду (военного губернатора), «грозящего монголам военной расправой, если они не вернутся к прежним отношениям с Китаем». Начальник отряда объяснил Хоранову, что ему предписано идти на Кобдо и оттуда на Халху [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 100а, л. 84—85; д. 659, л. 34]. Однако уже в конце ноября синьцзянский ду-ду по распоряжению президента приказал посланным против Кобдо отрядам не двигаться вперед и более не посыпать туда войска [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 100а, л. 98]. Это было связано с тем, что Юань Шикай склонялся к мирному решению монгольского вопроса.

В результате частых петиций общественных организаций Юань Шикай 15/28 ноября 1912 г. издал указ, где обратил внимание на несправедливость обвинений китайской дипломатии в неспособности отстоять права на Монголию. В указе объяснялось, что в настоящее время война не принесет пользы Китаю, так как он «затруднен в дипломатических делах», не восстановил порядок, не имеет достаточных средств. Вопрос о Монголии обсуждался в особой секретной комиссии при совете министров. Большинство было за мирное решение. Несмотря на этот указ, военное министерство разрабатывало планы создания армии из войск разных провинций. Юань Шикай поставил китайским властям ряд вопросов о возможности посылки карательного отряда на Ургу. Местами шло формирование для этого китайских частей [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 91—97].

28 ноября/11 декабря Лу Цзэньцзян просил передать Сазонову, чтобы на время переговоров России с Китаем он задержал приезд в Россию монгольской делегации. Одновременно Крупенский сообщал: «Усиленная агитация против нас со стороны китайской прессы и политических партий все продолжается. Открыто собираются средства для снаряжения карательной экспедиции против Урги, причем в этом участвует много политических деятелей с председателем палаты представителей во главе. Правительство обсуждает проект внутреннего военного займа, вырабатывается план военной экспедиции и деятельно принимаются, ввиду такой, подготовительные меры в различных местностях» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 87—87об.].

Кроме того, «в связи с царящим в Китае среди молодых республиканцев сильным возбуждением против России из-за заключенного 21 октября с. г. Русско-Монгольского соглашения некоторые политические общества и партийные газеты стали проповедовать идею бойкота Русско-Азиатского банка». Ряд фирм изымает вклады из этого банка, из-за слухов о войне Китая

с Россией частные люди толпами хлынули изымать вклады. Министр иностранных дел и президент разослали предписание ду-ду всех провинций к прекращению этого движения против Русско-Азиатского банка. Движение стало стихать [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 107–108].

24 ноября/7 декабря 1912 г. Лу Цзэнцзян передал Крупенскому китайский «контропроект» соглашения. Суть предложений была в том, что российское правительство должно уважать полный территориальный суверенитет Китая над Монгoliей, суверенное право его правительства вести все переговоры с иностранными государствами по всем вопросам, касающимся Монголии; китайское правительство будет придерживаться обычая династии Цин; российское правительство обязуется не вмешиваться и не отменять никаких мер правительства Китая для сохранения старой административной системы во Внешней Монголии; правительство Китайской Республики без должного учета пожеланий народа Внешней Монголии не будет безрассудно посыпать войска, создавать какие-либо новые институции и поощрять колонизацию за рамками того, что признано правительством Внешней Монголии [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 75, 153–154, 155–155об⁵].

Российская сторона выдвинула свои «контрпредложения», основываясь на Русско-Монгольском соглашении. 13/26 декабря 1912 г. Сазонов отправил Крупенскому следующую телеграмму: «При составлении нашего ответного предложения на китайский проект соглашения мы руководились следующими соображениями:

Находя нежелательным, чтобы при настоящем напряженном положении в Европе распространялось сведение о перерыве наших переговоров с Китаем по монгольскому вопросу, мы решили сделать китайцам контр-предложение, не упоминая о том, что оно является последним, но сохраняя все существенные положения нашего первоначального предложения и оставляя за собою возможность в удобную для нас минуту заявить, что дальнейших предложений мы не намерены делать, пока китайское правительство не выступит само с предложениями, основанными на признании им создавшегося в Монголии положения вещей.

Мы не думаем, чтобы настоящим соглашением можно было существенным образом решить монгольский вопрос. Опыт подсказывает нам, что китайцы будут всегда находить повод, чтобы пытаться нарушить дух заключенного с нами соглашения. В частности, мы не можем предположить, чтобы китайцы отказались от посылки при всяких обстоятельствах своих войск в Монголию. Мы считали лишь необходимым, на случай посылки туда китайских войск, оставить за собою право ответить вводом в Монголию русского отряда, предупредив о том китайское правительство.

При создании для Внешней Монголии положения, вытекающего из нашего проекта, мы не видели практической пользы от признания Китаем соглашения и протокола 21 октября. Имея дело с монгольским правительством относительно толкования и проведения в жизнь этих актов, мы, по-видимому, можем не опасаться противодействия Китая в этом отношении.

Исходя из этих соображений, мы старались сохранить статьи, касающиеся обязательств Китая перед Россией, лишь не упоминая об автономии Внешней Монголии и о характере прав Китая на Монголию. Что же касается обязательств России перед Китаем, то мы старались считаться с пожеланиями китайского правительства, поскольку они не противоречат преследуемым нами в Монголии задачам.

Так как составленные нами ответные предложения признаются Вами не отвечающими ходу Ваших объяснений с Лу Чжэнсяном и ближе Вам известному настроению, царящему

---

⁵ Французский текст, телеграфированный Крупенским в МИД России, рукописная и машинописная копии.

в пекинских правящих кругах, то мы не встречаем препятствий к внесению в наши предложения необходимых изменений. Благоволите телеграфировать, как Вы полагали бы их редактировать». Сверху подписано: «На подлинной против отчеркнутого места Собственной Его Императорского Величества рукою начертано: “Опасаться этого не следует. Россия достаточно сильна и на Дальнем востоке, чтобы энергично настаивать на своем” [набрано красным шрифтом — С. К.]. Царское село, 14 декабря 1912 года» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 170–170об.].

На президентских совещаниях принимались некоторые решения, призванные успокоить китайскую общественность. Взяв курс на мирное решение монгольского вопроса, Юань Шикай в середине декабря 1912 г. принял ряд мер против антироссийского движения в Китае: запретил все организации, готовившие военные дружины для похода на Монголию, приказал МВД принять меры к прекращению сбора пожертвований на войну с Монголией, прекратить антироссийскую агитацию в Маньчжурии. Через печать он старался внушить, что поход на Халху равносителен объявлению войны России, а державы Пекин не поддержат [Белов, 1994, с. 108–118]. 21 ноября/4 декабря 1912 г. МВД Китая телеграфировало всем ду-ду Маньчжурии о распуске экспедиционного карательного отряда против Монголии, в том числе о распуске созданных общественными и политическими организациями вспомогательных войск «бесстрашных», «армии спасения Монголии», «организации покорения Монголии», «армии решивших умереть» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 136–137].

Посол Китая в Японии Ван на встрече с министром иностранных дел Японии К. Утидой обратился «от имени своего правительства с просьбой о поддержке и о консультациях». На это японский министр, памятуя о секретных соглашениях Японии с Россией о разграничении сфер влияния, не дал определенного ответа [Батсайхан, 2018, с. 174–175]. Великобритания и Япония деликатно объяснили Китаю, что ему надо пойти на переговоры с Россией. 2 января 1913 г. (н. ст.) Юань Шикай отдал приказ о прекращении наступления на западную Монголию [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 449, л. 179–180 — цит. по: Лузянин, 2003, с. 62]. Однако китайские войска в Цаган-Тункэ оставались и пополнялись. Переговоры об их отводе использовались китайской стороной для давления на российскую до подписания с ней декларации 1913 г. по Монголии.

Юань Шикай заявлял в интервью газете «Сан», что Япония в Маньчжурии и Россия в Монголии имеют лишь те права, какие им дал Китай. «В нашем нынешнем состоянии позиция каждого из этих правительств является гарантией от посягательств другого» (The Sun, 19.01.1913). Он надеялся использовать баланс интересов России и Японии. Однако поддержки от Токио и Вашингтона на предмет борьбы с Россией за Монголию получить не удавалось. В связи с этим Лу Цзэнцзян предложил план действий, одобренный правительством: с Россией было решено дальше не спорить и войти в соглашение; Китай заявил, что воевать с Россией не намерен; Россия должна была признать его суверенитет над Монголией; это признание развязет суверену руки проводить любую политику в Монголии по своему усмотрению; потому с весны 1913 г. было решено покорить вооруженной рукой всех монголов, в том числе заключивших с Россией соглашение [Восток, 10.01.1913].

Однако цели покорения всех монголов достигнуть не удалось. В связи с этим 23 октября/5 ноября 1913 г. состоялось подписание Русско-Китайской декларации по Внешней Монголии. Китай обязывался не вмешиваться в ее внутреннее управление и экономику, не содержать там чиновников, не присыпать войска кроме конвоев; Внешняя Монголия признавалась автономной частью Китая, а китайское правительство — ее сузереном [текст: Русско-китайские отношения..., 1958, с. 100–101]. Монгольское правительство не признало эту декларацию. Незадолго до ее

подписания оно выразило пожелание заключить договор с участием России [Батсайхан, 2014, с. 96]. Результатом стали трехсторонние переговоры и заключение Китайско-Русско-Монгольского соглашения 1915 г., фиксировавшего автономию Внешней Монголии под сузеренитетом Китая.

Итак, Русско-Монгольское соглашение 1912 г. было встречено в Китае резко отрицательно. Причиной была боязнь «потерять» Монголию (как и Маньчжурию, Восточный Туркестан и Тибет). По мнению китайцев, империя Цин — это Китай, потому эти вассальные и зависимые от маньчжурской династии земли — тоже Китай. Переход к республиканской системе не помешал китайским националистам сохранить этот старый исторический миф, потому что он был им выгоден и признавался державами. Не отрицая его, российское правительство готово было пойти на компромисс с Китайской республикой, при этом сохранив автономию (в действительности — фактическую независимость) Внешней Монголии.

Япония

Япония в начале XX в. была одной из самых влиятельных сил в Восточной Азии, особенно в Маньчжурии. К 1912 г. Япония и Россия наладили конструктивное сотрудничество, формальную основу которого составили секретные соглашения о разделе сфер влияния. Эти соглашения были главной причиной того, что Россия настаивала на автономии Внешней Монголии, не затрагивая Внутреннюю. Тем не менее Япония ожидаемо обратила пристальное внимание на Русско-Монгольское соглашение.

В АВПРИ сохранилось много телеграмм из Токио от российского посланника в Японии Н. А. Малевского-Малевича об отношении Японии к данному соглашению [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659]. Детали переписки японского правительства с посольствами Японии в других странах изучены О. Батсайханом (2018). Согласно этим данным, японское правительство выразило свою позицию в связи с заключением Соглашения в статье в национальной газете «Кокумин»:

«Японии нельзя сидеть сложа руки, подобно постящемуся святому ламе. Она должна выразить свою позицию. Единственная вещь, которая вызывает озабоченность правительства Японии — охватывает или нет договоренность от 3 ноября между Россией и Монголией территорию, включенную в сферу российского влияния, признанную договором между Россией и Японией, заключенным 8 июля» [Батсайхан, 2018, с. 174–175].

Япония, признавая особые российские интересы, теперь хотела получить особые права в своей сфере влияния. Она выдвинула к Китайской республике знаменитое «21 требование». Из них семь были взяты из протокола, прилагавшегося к Русско-Монгольскому соглашению 1912 г. [Наками, 2013, с. 63–64]. По моим данным, в 21 требование (18 января 1913 г.) входят следующие, сходные с протоколом к Русско-Монгольскому соглашению: преференции для японских подданных в Южной Маньчжурии и на востоке Внутренней Монголии, предоставление им права аренды земли, свободы перемещения, поселения, предпринимательства, разработки полезных ископаемых, постройки железных дорог; разрешение третьей стороне на строительство железных дорог только с согласия Японии; приоритет Японии на посыпку военных советников или инструкторов в данный регион; отказ китайского правительства от уступки или сдачи в аренду заливов, гаваней и островов вдоль побережья Китая [текст требований: Wood, 1921, р. 108–112].

Как уже отмечалось, монголы не признали двустороннюю Русско-Китайскую декларацию 1913 г., декларировавшую их автономию под сузеренитетом Китая. С учетом этого Богдо-тэгэн в 1914 г. послал письмо японскому императору. «Это письмо было привезено Сайн

Ноин Хану русским подданным бурятом Бадмажаповым, который, явившись в МИД, совершенно доверительно ознакомил нас с запиской, полученной им от Монгольского Министра Иностранных Дел Ханда-вана, где излагалась сущность объяснений монгольских сановников с известным Вашему Императорскому Величеству из повергавшейся на Высочайшее благовоззрение дипломатической переписки японцем Кодамою, посетившим Ургу в августе месяце минувшего года. Сказанная записка резюмировала бывшие с Кодамою объяснения в том смысле, что последний от лица своего правительства предлагал монголам дружбу и поддержку взамен предоставления японцам права на постройку железнодорожных линий в прилегающей к Южно-Маньчжурской железной дороге части Внутренней Монголии. Письмо Хутухты исходило из мысли о возможности заручиться содействием Японского Правительства для присоединения Внутренней Монголии к владениям Ургинского правителя и содержало предложение прислать в Ургу дипломатического представителя Японии» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 570, л. 2–3].

Сохранился русский перевод данного письма. Учитывая интерес к этому письму со стороны исследователей, приведу этот перевод полностью.

«Зимою позапрошлого года мы, монголы, всенародно желая сохранить исконный самобытный строй, свою территорию, религию и законы, отложились от Цинской империи и образовали самостоятельное автономное государство, о чем правительство наше, желая войти в дружественные отношения с Великой Державою и заключить торговый договор, известило в свое время Правительство Вашего Императорского Величества особым письмом, но пока не получило никакого ответа.

Зимою прошлого года нами был командирован наш Министр Внутренних дел Цинван лама Цэрэн-Чимед, которому было поручено поднести Вашему Императорскому Величеству письмо от нашего скромного государства и выразить приветствие от Нас, но, к сожалению, ввиду закрытия пути, должен был вернуться обратно с дороги. Ныне Мы снова, почтительно поднося государственное письмо, шлем приветствие Вашему Императорскому Величеству и выражаем пожелание установить постоянную и добрую дружбу между нашими двумя Государствами для вящего блага и мира народов наших на многие годы. Когда дойдет Наше письмо, соблаговолите его принять.

Засим имеем почтительно сообщить Вашему Императорскому Величеству, что самостоятельность и автономность нашего слабого государства была признана издавна дружественной Россией, которая заключила соглашение и торговый договор с нашей Монголией.

Тем не менее, наша Внутренняя Монголия, граничащая с Китаем, терпит очень тяжкое зло, а теперь китайские войска, ворвавшись в ее пределы, начали сжигать храмы и монастыри, истреблять мужчин и женщин, стариков и детей без разбора, отбирать имущество и скот, вследствие чего многие принуждены были фиктивно признать наружно республику, беспрерывно прося нашего заступничества и защиты. Правительство нашей слабой страны послало войска для отражения неприятеля в нескольких направлениях; тем не менее, однако, благодаря недостаточности хорошего оружия, до сих пор не успели оказать твердую защиту и объединить всех. Когда недавно прибыл в нашу столицу чиновник Вашей страны Кодама, Наше правительство сообщило ему о своем желании установить дружественное сношение обеими государствами и, чтобы Ваше Высокое Правительство, получив железнодорожную концессию во Внутренней Монголии, помогло к тому, чтобы в ее пределы китайские войска не могли быть вводимы. Упомянутый выше чиновник обещал о таковых наших желаниях довести до сведения своего Правительства. Поэтому мы обращаемся теперь к Вашему Императорскому Величеству не отказать в содействии добруму делу и, если будет соблаговоление Ваше, энергично внушить Китайскому

Правительству не вводить свои войска в пределы Внутренней Монголии и помочь нашим стремлениям к скорейшему объединению Внутренней Монголии с нашей Внешней и утверждению нашей народности и религии полностью.

Следовало бы нашему слабому государству послать к Вам полномочного Посланника из сановников наших, но, встречая препятствие в пути и не желая откладывать добреое дело, обращаемся с просьбою к Вашему Императорскому Величеству, если найдете возможным, повелеть Вашему Высокому Правительству командировать к Нам уполномоченного сановника и помочь установлению нашего государства и закреплению дружественных отношений между нашими Государствами на долгие годы. Повелитель слабого государства, все власти, духовенство и миряне с благоговением и благодарностью встретили бы Ваше Высокое соблаговоление и впредь старались бы усугублять нашу взаимную дружественность.

Того ради Мы шлем привет Вашему Императорскому Величеству и просим принять Наши просьбы и удостоить Нас ответом.

Правления «Многими Воздвеченного» 3-й год, зимнего 1-го месяца 19-го дня. Урга [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 570, л. 4–6а⁶].

С. Д. Сазонов отправил данное письмо в Японию, сопроводив его запиской, в которой объяснял японцам, что «Российское правительство никогда не подавало надежда монголам в возможности видеть племена Внутренней Монголии подчиненными власти Хутухты»; автономия Монголии ограничивается Халхой и Кобдоским краем, в связи с соглашением 1912 г. между Россией и Японией; Россия хотела бы ознакомиться с японским ответом на письмо монголов [«Нихон гайко буншо», Тайшоо (1914), тетрадь 1, № 493, с. 729–732 — в кн.: Батбаяр, 2008, с. 38–39].

Согласно российским, монгольским и японским архивам, 14 января 1914 г. российский посол в Японии Н. А. Малевский-Малевич передал письмо японскому министру иностранных дел Н. Макино. Тот ответил: «Я как министр считаю, что Внешняя Монголия не имеет никаких дипломатических связей с императорским правительством, и, в особенности, некий Кодама не имеет никаких отношений с нашим правительством», и вернул письмо. Малевский-Малевич ответил, что запросит инструкции своего правительства. 23 января 1914 г. они вновь обсуждали данное письмо. Министр иностранных дел Японии предложил объясниться следующим образом: «Если данный вопрос со временем будет затронут парламентом или газетным издательством в нашей стране, [надо указывать, что] данное письмо является результатом интриг Кодамы, и деятельность Кодамы не имеет отношения к императорскому правительству. Ввиду этого, правительство императорского государства, не имея возможности вручить императору данное письмо, возникшее по неизвестным причинам, отказалось принять его». Обе стороны пришли к единому мнению по этому вопросу. 29 января того же года Макино послал телеграммы на имя посла Японии в России Мотено и консула Японии в Китае Ямадзы. В них говорилось, что Кодама не имел полномочий от правительства вести переговоры, Внешняя Монголия не имеет дипломатических отношений с Японией, не представляется возможным вручить это письмо императору [Батсайхан, 2018, с. 218–219].

Итак, японцы, следуя секретному соглашению с Россией о разделе сфер влияния, вернули монгольское письмо [АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 2–6а]. Попытка Внешней Монголии вступить в прямые отношения с Японией была безуспешной.

---

⁶ Впервые опубликовано: Красный архив, 1929, т. 6 (37), с. 58–59, без выходных архивных данных документа. Там же дипломатическая переписка по этому вопросу.

ТИБЕТ

Тибет не был частью империи Цин, а был государством, зависимым от маньчжурских императоров. Он никогда не был частью Китая. Во время провозглашения Китайской республики он был независимым государством [Кузьмин С. А., 2014, с. 140–161; 2019, с. 39–54]. Подписание Русско-Монгольского соглашения 1912 г. не осталось без внимания правителей Тибета.

При участии представителя Далай-ламы XIII — А. Доржиева 11 января 1913 г. в Урге был подписан Монголо-Тибетский договор о взаимном признании обоих государств. Перед подписанием Доржиев встречался с Далай-ламой. Очевидно, они обсуждали план действий [Kuzmin, 2013a, p. 53–59; 2013b, p. 251–252]. По донесению Коростовца из Нийслэл-хурэ, «Доржиев объяснил, что инициатива соглашения исходит от Далай-ламы, который всегда стремился к духовному и политическому объединению двух единоверных и единоплеменных стран, однаково тяготившихся китайским владычеством. Отпадение Монголии от Китая и провозглашение Хутухты [Богдо-гэгэна — С. К.] Ханом еще более укрепило это стремление в тибетском Первосвященнике инушило ему мысль придать проектируемому сближению форму письменного соглашения, положив в основу взаимное признание независимости. Предложение Далай-ламы встретило сочувственный прием в Урге, где и был составлен текст соглашения соответственно полученным Доржиевым указаниям и пожеланиям монголов, взявшим за образец договор 21 октября» [РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, д. 32, л. 95].

Монголия и Тибет признали друг друга независимыми монархическими государствами во главе с Богдо-гэгэном и Далай-ламой соответственно и договорились о сотрудничестве [Кузьмин С. А., 2011, с. 122–128; 2012, с. 65–84; 2015, с. 148–157; Kuzmin, 2013a, p. 53–59]. Представители обеих сторон с санкции их монархов взяли за основу Русско-Монгольское соглашение и подписали договор, который был легитимным признанием Монголией независимости Тибета. В то время еще не было подписано трехстороннее Кяхтинское соглашение, признававшее Монголию автономией под сузеренитетом Китая, следовательно, Монголия, основываясь на статьях монгольского текста Русско-Монгольского соглашения 1912 г., легитимно считала себя *de jure* независимым государством и имела право признать договором независимость Тибета, который также становился не только *de facto*, но и *de jure* независимым государством.

А. Доржиев обсуждал этот договор с И. Я. Коростовцом. 2 января Коростовец телеграфировал в МИД России, что высылает почтой «перевод соглашения, заключенного на монгольском и тибетском языках», а 6 января известил о высылке также монгольского текста [РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, д. 32, л. 95–97; русский перевод: л. 98–99; первая публикация: Известия Министерства..., 1913, с. 52–53]. Коростовец не возражал против его подписания, но возражал против аналогичного договора Тибета с Россией [Коростовец, 2009, с. 198]. Однако в официальном донесении в МИД, позже цитированном в его мемуарах, Коростовец сообщал, что это «соглашение, ввиду неправоспособности сторон, не представляет политического значения и не заслуживает названия международного акта» [РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, д. 32, л. 96–97]. С учетом этого Россия и Британия не признали данный договор.

В Китае этот договор никогда не признавался и одно время даже считался фиктивным. Там полагают, что тибетское правительство в то время было «местным» по отношению к правительству Китая, а Монголия никем не была признана как независимое государство, оставаясь «неотъемлемой частью Китая» [например, Cai, 2006, p. 119–122].

Тем не менее образцом для выработки англо-китайского соглашения по Тибету стала Русско-Китайская декларация 1913 г. [Miele, 2022, p. 92], инкорпорировавшая часть положений

Русско-Монгольского соглашения 1912 г. По-видимому, учитывался также Монголо-Тибетский договор 1913 г. Переговоры по этому вопросу между Китаем, Великобританией и Тибетом привели к последующему подписанию Симлской конвенции 1914 г. Участие Китая в переговорах по Тибету интенсивно обсуждалось Форин офисом, в том числе в контексте интересов Русско-Монгольского соглашения [Miele, 2022, р. 93–96].

Как отмечает Т. Наками, для России и Англии это был тест на умение найти компромисс и решение между представителями Монголии/Тибета, объявившими независимость, с одной стороны, и Китайской республикой, стремившейся сохранить границы и влияние Цинской империи, с другой. Целью Великобритании было «сохранение суверенитета Китая» и гарантии автономии Тибета и правительства Далай-ламы. Все три стороны еще до конференции в Симле были готовы к такой резолюции, и сама конференция не должна была быть сложной. Однако Китай неожиданно вышел из переговоров на их последней стадии. В результате соглашение было заключено только между Британской Индией и Тибетом. Как отмечает Наками, если посмотреть с другой стороны на отношение Российской империи к монгольскому вопросу и монгольской декларации о независимости, то оно было намного серьезнее и ответственнее, чем отношение Англии к тибетскому вопросу. Сразу после декларации Россия не намерена была поддерживать независимость Монголии. Россия подписала с Китаем декларацию 1913 г. и две страны обменялись нотами. Однако договоры с Монгoliей (1912 г.) и Китаем (1913 г.) противоречили друг другу. Для разрешения этих противоречий и была создана Кяхтинская конференция, которая привела к заключению трехстороннего соглашения 1915 г. Англия же с самого начала вела переговоры с двумя сторонами (Тибетом и Китаем) и тем самым вызвала отчуждение Китая. Тибет не смог использовать шанс на признание независимости через влияние Англии, но Монголия смогла освободиться от Китая [Наками, 2015, с. 143].

На Симлской конференции тибетский представитель опроверг один за другим китайские доводы о том, что Тибет всегда был частью Китая. Конференция затянулась из-за разногласий. Представитель Великобритании Г. Макмагон предложил разделить Тибет на две зоны: «Внешний Тибет» и «Внутренний Тибет» — подобно тому, как была разделена Монголия. Соответственно «внутренняя» часть подпадала под Китай, а «внешняя» получала полную автономию. Хотя Тибет разделялся на Внешний и Внутренний, он признавался географически и политически единым [Шакабпа, 2003, с. 268]. Китай имел лишь номинальный суверенитет над Внешним Тибетом, но получал большие привилегии во Внутреннем Тибете. Чтобы решить спор, первый министр правительства Тибета Л. Шэтра согласился на предложение Г. Макмагона подписать соглашение с упоминанием суверенитета Китая над Тибетом. В соглашении фиксировалась тибето-индийская граница. Эта граница вошла в историю как «линия Макмагона». 24 и 25 марта 1914 г. между тибетской и британской сторонами состоялся обмен нотами, которым была зафиксирована эта договоренность. 27 апреля 1914 г. главы тибетской, китайской и британской делегаций парafировали проект Конвенции, предложенный британцами. В ст. 2 говорилось: «Правительства Великобритании и Китая, признавая, что Тибет находится под суверенитетом Китая, и признавая автономию Внешнего Тибета, обязуются уважать территориальную целостность страны и воздерживаться от вмешательства в управление Внешним Тибетом (включая выборы и введение в должность Далай-ламы), которое должно оставаться в руках тибетского правительства Ахасы. Правительство Китая обязуется не превращать Тибет в китайскую провинцию. Правительство Великобритании обязуется не аннексировать Тибет или какую-либо часть его» [Кулешов, 1992, с. 265–267]. В ст. 9 было указано, что граница Тибета с Индией и «рубеж»

между Внешним и Внутренним Тибетом (то есть граница Тибета с китайскими провинциями Сычуань и Юньнань) проходят так, как показано на карте.

Однако китайский представитель, ссылаясь на инструкции из Пекина, отказался подписать Конвенцию. Макмагон и Шэтра подписали двустороннюю Декларацию от 3 июля 1914 г. В ней было сказано: «Мы, уполномоченные Великобританией и Тибета, составили настоящую Декларацию для того, чтобы заявить о признании парализованной Конвенции обязательной для правительств Великобритании и Тибета; мы пришли также к соглашению, что до того, как правительство Китая подпишет данную Конвенцию, оно не будет пользоваться привилегиями, вытекающими из нее» [цит. по: Van Walt, 1987, р. 58]. Китайской подписи не было.

Итак, Монголия и Тибет легитимно признали друг друга как независимые государства. Непризнание этого державами не может рассматриваться как легитимная отмена данного акта. Однако Великобритания не смогла сделать для Тибета то, что смогла сделать Россия для Монголии — зафиксировать самостоятельность и создать условия для укрепления независимости. Поскольку Конвенция в Симле 1914 г. была подписана двумя (Тибет и Великобритания), а не тремя (включая Китай) сторонами, она не вступила в силу. Этим Китайская Республика не только не признала «линию Макмагона», но и лишилась возможности ссылаться на Конвенцию как на международно-правовой документ, подтверждающий ее суверенитет над Тибетом. Тибет признал суверенитет Китая над собой только «в одном пакете» с признанием «линии Макмагона». Юридический парадокс здесь в том, что Тибет декларацией с Великобританией признал суверенитет Китая над собой, тогда как сам Китай, не подписав документ, не принял это признание, и оно не вступило в силу. Тибет оставался независимым государством. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. было одним из оснований этого.

ДРУГИЕ СТРАНЫ

25 октября/7 ноября 1912 г. Сазонов сообщил Коростовцу, что соглашение и протокол будут направлены Англии, Франции и Японии [Коростовец, 2009, с. 144]. Это было сделано [Лонжиц, 2013, с. 71]. 8 ноября 1912 г. (н. ст.) Сазонов, вручив текст Русско-Монгольского соглашения послам Франции, Англии и Японии, особо отметил: «В связи с тем, что Китай выразил протест России по вопросу о сохранении автономии и недопущении восстановления китайской администрации и ввода китайских войск в пределы Внешней Монголии, а также колонизации монгольских земель китайскими переселенцами, безусловно, пришлось заключить такой договор с правительством Монголии». Посланник Франции в Пекине Конти сообщал своему министру иностранных дел Пуанкаре, что он передал записи протокола, приложенного к Русско-Монгольскому соглашению, в МИД Китая с целью успокоить китайцев, считавших его угрозой для их безопасности. В токийской печати Соглашение между Россией и Монголией и Протокол были опубликованы на японском и английском языках. Французский посол в Токио сообщил об этом своему министру иностранных дел и отметил: «Становится определенным, что Россия и Британия предпринимают параллельные действия, одна — по вопросу Монголии, другая — по вопросу Тибета, будто бы договорившись между собой, или же из-за схожих обстоятельств, что в свою очередь не могло не привлечь пристального пугающего внимания основных печатных изданий Токио» [Батсайхан, 2018, с. 174].

Полный текст Соглашения и Протокол были вскоре переведены и опубликованы в США, Германии и Японии [Accord d'amitié..., 1913; Сборник..., 1914; American..., 1916; MacMurray, 1921; Outer Mongolia, 1921]. В номере «Нью-Йорк Таймс» от 1 декабря 1912 г. было опубликовано

сообщение корреспондента в Петербурге о возникновении новой ситуации в Монголии для России и Китая. Уже через несколько дней после подписания Русско-Монгольского соглашения западная пресса отмечала его большое значение в связи с возможностью конфликта между Россией и Китаем [например, *The Sun*, 08.11.1912].

Посольство США в Пекине послало дипломатические депеши 12 ноября 1912 г. и 7 января 1913 г. относительно заключения Соглашения. Американский посол Кэлхаун просил разъяснений у российского посла Крупенского: независимость провозглашена только во Внешней Монголии, говорится ли в протоколе о территории только Внешней Монголии или же обо всей территории Монголии? Крупенский ответил: «Протокол первым делом касается исключительно коммерческих интересов и не предоставляет привилегий, не преследует определенные политические цели, он касается только вопросов Внешней Монголии. Многие князья Внутренней Монголии положительно относятся к борьбе за независимость, ведут активную деятельность за единое правительство Внешней и Внутренней Монголии и установление связей между ними, в случае их успеха протоколом будут охвачены все территории Монголии, однако Россия не заинтересована во включении в протокол всей Монголии» [Батсайхан, 2018, с. 175].

1/13 ноября 1912 г. французский посланник в Пекине сказал Крупенскому, что «председатель совета министров не сделал особых возражений по поводу переданного ему французским драгоманом проекта ноты на мое имя и скорее отнесся одобрительно к ее содержанию, заметив лишь, что термин Монголия является слишком неопределенным и необходимо будет отграничить Внешнюю Монголию от Внутренней. Председатель прибавил, что французский проект будет подвергнут обсуждению на секретном заседании у президента» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 9].

МИД Монголии направил ноту с извещением о договоре с Россией правительствам Великобритании, Франции, Германии, США, Японии, Дании, Нидерландов, Бельгии и Австрии через их консульства в Харбине [Батбаяр, 2008, с. 18; Батсайхан, 2018, с. 179]. Часть этих посланий не дошла до адресатов. Другие реакции были неутешительны для монголов. Крупенский 11/24 декабря 1912 г. телеграфировал в МИД: «Большинство моих коллег, получивших от своих консулов в Харбине сообщение Монгольского Правительства, не придают ему серьезного значения и намерены ограничиться пересылкой его по почте своим Правительствам» [АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 659, л. 157].

В американском госдепартаменте указали, что ни США, ни другие державы не будут вмешиваться в договоренности России с Китаем [*Washington Herald*, 15.11.1912]. Правительство США заявило в печати о непризнании Русско-Монгольского соглашения и связанных с ним действий России в Монголии, так как русская дипломатия не поставила об этом в известность США, имеющие там определенные интересы. Периодика Англии и Франции не была единодушна в оценках, не было единства и в высказываниях японской прессы [Лузянин, 2003, с. 59–61]. Пекин стал зондировать почву в Токио и Вашингтоне на предмет поддержки задуманной им борьбы с Россией за Монголию, но поддержки не было обещано [Восток, 10.01.1913]. В американской прессе появились утверждения, что поглощение царской Россией Монголии и создание из нее протектората не привлекло внимание Европы, занятой внутренними раздорами [*New York Tribune*, 08.12.1912]. Германская пресса в связи с Соглашением писала об опасности расчленения Китая при участии России, Японии и Англии [Новая жизнь, 14.11.1912].

Реакция Великобритании была сдержанной. Однако после подписания Русско-Китайской декларации 1913 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Грей предложил Индийскому офису и Совету по торговле связаться с правительством Монголии «с целью признания

их автономии и обеспечения справедливых условий для британской торговли». Кроме того, Грей предложил проинформировать Россию о благоприятном принятии англичанами Русско-Китайской декларации 1913 г. и Русско-Монгольского соглашения 1912 г. «при условии, что с автономным монгольским правительством может быть достигнуто удовлетворительное коммерческое соглашение». Для главы Форин офиса это было необходимо в контексте «политики открытых дверей» для британской торговли [TNA, FO 535/16, no. 417, 420—in Miele, 2022, p. 91].

20 мая/2 июня 1914 г. Конти получил сразу два идентичных послания монгольского правительства из Урги: о заключении соглашения с Россией и о провозглашении независимости. Он попросил российского поверенного в делах в Пекине Граве сообщить пожелания о дальнейших шагах по этому поводу и задержал свою телеграмму в Париж до получения этих пожеланий. Такие же послания получили английский, германский и американский посланники [Международные отношения..., 1933, с. 179]. 22 мая/4 июня товарищ министра иностранных дел Нератов ответил Граве, что это — попытка монголов добиться признания своей независимости вопреки мнению России и Китая; такая позиция монголов затрудняет заключение их соглашения с Китаем при посредничестве России; непосредственные сношения с ургинским правительством без всяких реальных выгод для Франции осложнят задачи России в монгольском вопросе; поэтому не надо отвечать ургинскому правительству; Япония занимает такую же позицию [Международные отношения..., 1933, с. 185–186].

Все новые попытки монгольского правительства установить контакты с другими державами не были секретом для японской стороны. 11 июня 1914 г. новый министр иностранных дел Японии Т. Като направил письма японским послам в Англии, Франции, Германии и США о том, что «несколько дней назад» на адрес четырех консульских представительств этих стран в Китае были посланы письма от монгольского правительства, где сообщается о провозглашении независимости Монголии и подписании торгового договора с Россией и выражается пожелание о заключении торговых договоров. Консульства этих четырех государств сообщили о письмах своим правительствам. Министр просил по мере возможностей получить сведения у этих правительств о содержании писем. Согласно ответам, полученным Като, правительство Франции не ответило на запрос, считая, что Монголия не является независимым государством и заключила договор с Россией; госдепартамент США заявил о необходимости отказаться от предложений монголов; остальные отказались вступать в официальные отношения с Монгoliей, считая ее автономией под сюзеренитетом Китая [тексты: Батсайхан, 2014, с. 83–94].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Русско-Монгольское соглашение 1912 г., будучи выгодным России, объективно поддерживало право народа (в данном случае монгольского) на самоопределение, позжевшее отражение в уставе ООН. Это право имело не меньше оснований, чем право ханыцев на свое самоопределение в формате Китайской республики. Претензии последней на Монголию и ряд других стран были основаны на традиционной китайской миростроительной концепции, которую в силу международной политической конъюнктуры и исторических причин разделяли державы, считавшие Китайскую республику полным преемником империи Цин. В тех конкретно-исторических условиях только Российская империя оказалась тем государством, которое смогло обеспечить автономию (фактическую независимость) Внешней Монголии и ее государствостроительство. Позиции остальных держав согласовались с их отношениями между собой, с Россией и Китаем, но не с интересами Монголии.

Русско-Монгольское соглашение 1912 г. оставило след в истории как первое международное соглашение объявившей независимость Монголии, признавшее ее государственность и установившее ее дипломатические отношения с Россией. Это соглашение и принятая с его учетом Русско-Китайская декларация 1913 г. послужили в той или иной мере образцом для нескольких других международных актов, имевших далеко идущие последствия: «21 требования» Японии к Китаю 1913 г., Монголо-Тибетского договора 1913 г. и Симаской конвенции 1914 г.

Источники и литература/Sources and References

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Moscow].

Баранов И. Китайская печать о русско-монгольском соглашении. *Вестник Азии* (Харбин), 1913. № 13 (январь). С. 77–86 [Baranov I. Chinese press on the Russo-Mongolian Agreement. *Vestnik Azii* (Harbin). 1913. No. 13. Pp. 77–86 (in Russian)].

Батбаяр Ц. Олон Өргөгдөн Монгол улсын гадаад харилцаа. Улаанбаатар, 2008 [Batbayar Ts. International relations of the Mongolian States in the period of the Elevated by the Many. Ulaanbaatar, 2008 (in Mongolian)].

Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск — Улан-Удэ, 2014 [Batsaikhan O. Mongolia on the road to the nation-state. Irkutsk — Ulan-Ude, 2014 (in Russian)].

Батсайхан О. Последний великий хан Монголии Боддо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. М., 2018 [Batsaikhan O. The Last Great Khan of Mongolia the 8th Bodg Javzandamna Khutuktu. Life and legends. Moscow, 2018 (in Russian)].

Белов Е. А. Реакция в Китае на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. (к истории русско-китайских отношений). *Проблемы Дальнего Востока*. 1994. № 4. С. 108–118 [Belov E. A. Reaction in China to the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Problemy Dalnego Vostokta*. 1994. No. 4. Pp. 108–118 (in Russian)].

Вестник (Верхнеудинск) [*Vestnik* (Verkhneudinsk) (in Russian)].

Восток (Харбин) [*Vostok* (Harbin) (in Russian)].

Думы Забайкалья (Чита) [*Dumy Zabaikalya* (Chita) (in Russian)].

Златкин И. Я. *Очерки новой и новейшей истории Монголии*. М., 1957 [Zlatkin I. Ya. *Accounts of new and modern history of Mongolia*. Moscow, 1957 (in Russian)].

Известия Министерства иностранных дел. 1913, кн. 2. С. 52–53 [*Proceedings of the Foreign Ministry*. 1913, pt. 2. Pp. 52–53 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики*. Улан-Батор, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chinggis Khan to Soviet republic*. Ulan-Bator, 2004 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г.* Улаанбаатар, 2009 [Korostovets I. Ya. *Nine months in Mongolia. Diary of the Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913*. Ulaanbaatar, 2009 (in Russian)].

Красный архив. 1929. Т. 6 (37) [*Red Archive*. 1929. V. 6 (37) (in Russian)].

Кузьмин С. А. Договор 1913 г. между Монгoliей и Тибетом: новые данные. *Восток*. 2011. № 4. С. 122–128 [Kuzmin SL. The Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet: new data. *Vostok (Oriens)*. No. 4. Pp. 122–128 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Монгол, түвдийн 1913 оны гэрээ олон улсын хүчин төгөлдөр баримт бичиг болох нь. *Монгол, Түвдийн 1913 оны гэрээ — олон улсын эрх зүйн баримт бичиг (эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтээл*. Улаанбаатар, 2012. С. 65–84 [Kuzmin S. L. The 1913 Treaty between Mongolia and Tibet as valid international document. «Mongol, Tuvdiiin 1913 Ony Geree». Olon Ulyns Erkh Zuin Barimt Bichig. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 65–84 (in Mongolian)].

Кузьмин С. А. Государственность Тибета / Государственность народов Внутренней Азии. Прага, 2014. С. 140–161 [Kuzmin S. L. The statehood of Tibet / Gosudarstvennost narodov Vnutrennei Azii. Praha, 2014. Pp. 140–161 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Тибетское государство: исторические факты и международное право. *Eurasia: statum et legem*. 2015. Т. 1. № 4. С. 148–157 [Kuzmin S. L. The State of Tibet: historical facts and international law. *Eurasia: statum et legem*. 2015. V. 1. No. 4. Pp. 148–157 (in Russian)].

Кузьмин С. А. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. *Восток*. 2019. № 1. С. 39–54 [Kuzmin S. L. The Problem of vassalage in the West and the East: relations of the Qing Empire with Mongolia and Tibet. *Vostok (Oriens)*. No. 1. Pp. 39–54 (in Russian)].

Кузьмин Ю. В. Русско-монгольские отношения в 1911–1912 годах и позиция общественных кругов России. *Mongolica-III* (СПб.). 1994. С. 75–79 [Kuzmin Yu. V. Russo-Mongolian relations in the 1911–1912] and the position of sioicial circles of Russia. *Mongolica-III* (St. Petersburg). 1994. Pp. 75–79 (in Russian)].

Кулемшов Н. С. *Россия и Тибет в начале XX в.* Москва, 1992 [Kuleshov N. S. *Russia and Tibet in the beginning of the 20th Century*. Moscow, 1992 (in Russian)].

Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. М., 1968. Т. 22; 1969. Т. 26 [Lenin V. I. *Collected works*. Moscow, 1968. V. 22; 1969. V. 26 (in Russian)].

Лонжид З. 1912 оны Монгол-Оросын хэлэлцээрийн тухай эргэцүүлэл. *Монгол-Оросын 1912 оны үзүүлэл ба И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 67–73 [Lonjid Z. Analysis of the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 67–73 (in Russian)].

Лузянин С. Г. *Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.* М., 2013 [Luzyanin S. G. *Russia — Mongolia — China in the first half of the 20th Century*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917 гг. Т. 3. М.—Д., 1933 [*International relations in the epoch of imperialism. Documents from the archives of the Tsar's and Temporary governments in 1878–1917. Series 3. 1914–1917. V. 3*. Moscow—Leningrad, 1933 (in Russian)].

Милюков П. Н. *Воспоминания*. М., 1991 [Milyukov P. N. *Memoirs*. Moscow, 1991 (in Russian)].

Наками Т. Несколько заметок о русском дипломате И. Я. Коростовце и Русско-Монгольском соглашении 1912 года. *Монгол-Оросын 1912 оны үзүүлэл ба И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 53–66 [Nakami T. Some remarks on the Russian diplomat I. Ya. Korostovets and the 1912 Russo-Mongolian Agreement. *Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I. Ya. Korostovets*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 53–66 (in Russian)].

Наками Т. Пересмотр Кяхтинского соглашения с точки зрения истории международных отношений в Восточной Азии. *Труды Кяхтинского краеведческого музея*. 2015. Т. 20. С. 141–144 [Nakami T. Revision of the Kyakhta Agreement from the point of view of international relations in East Asia. *Trudy Kyakhtinskogo kraevedcheskogo muzeya*. 2015. V. 20. Pp. 141–144 (in Russian)].

Новая жизнь (Харбин) [Новая Жизнь (Kharbin) (in Russian)].

Правительственное сообщение 26 октября 1912 г. (Правительственный вестник. 26 октября 1912 г. № 234). *Известия Министерства иностранных дел*. 1913. № 1. С. 46–48 [Governmental report on October 26, 1912 (Pravitelstvennyi vestnik, October 26. 1912. No. 234). *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del*. 1913. No. 1. Pp. 46–48 (in Russian)].

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, г. Москва [Russian state archive of social and political information, Moscow].

Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958 [*Russo-Chinese relations in 1689–1916. Official documents*. Moscow, 1958 (in Russian)].

Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г.—2 ноября 1913 г.). СПб., 1914 [*Collection of diplomatic documents on the Mongolian question August 23, 1912—November 2, 1913*. St. Petersburg, 1914 (in Russian)].

Харбинский вестник (Харбин) [Kharbinskii vestnik (Harbin) (in Russian)].

Шакабпа В. Д. *Тибет: политическая история*. СПб., 2003 [Shakabpa V. D. *Tibet: political history*. St. Petersburg, 2003 (in Russian)].

Accord d'amitié et de commerce; signé à Ourga, le 21 octobre / 3 novembre, suivi d'un Protocole, signé à la date du même jour. *Trièpel H. Nouveau Recueil Général de Traites et Autres Actes Relatifs aux Rapports de Droit International*. 3 serie. V. 7, livr. 1. Leipzig, 1913. Pp. 11–17.

American Journal of International Law. 1916. V. 10. No. 4. Supplement. Official Documents (Oct., 1916). Pp. 239–246.

Cai Fenglin. Riben waijiao wenshu xuan yi –guanyu «meng — zang cang xieyue». *Zhongguo bian jiang shi di yan jiu*. 2006. No. 1. Pp. 119–122 [Cai Fenglin. Record and translation of Japanese diplomatic documents. On the «Treaty between Mongolia and Tibet». *China's Borderland and History and Geography studies*. 2006. No. 1. Pp. 119–122 (in Chinese)].

Kuzmin S. L. The Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet as valid international document. *The Centennial of the Tibeto-Mongol Treaty: 1913–2013 (Lungta v. 17)*. 2013a. Pp. 53–59.

Kuzmin S. Tibet as a state: historical facts and international law. *13th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Sunday 21st July—Saturday 27th July 2013. Abstracts*. Ulaanbaatar, 2013b. Pp. 251–252.

Liu Chunling. Yuan Shikai zaiwai menggu zizhi zhong de waijiao zhengce. *Baicheng shi fan xue yuan xue bao* [Liu Chunling. Yuan Shikai foreign policy in the question of the Outer Mongolia autonomy. *Journal of Baicheng Normal College*. 2005. No. 4. Pp. 80–84 (in Chinese)].

MacMurray J. V. A. *Treaties and Agreements with and Concerning China 1894–1919. V. 2. Republican Period (1912–1919)*. New York, 1921.

Miele M. *Mongolian Independence and the British. Geopolitics and Diplomacy in High Asia, 1911–1916*. Bristol, England, 2022.— <https://www.e-ir.info/2022/08/19/mongolian-independence-and-the-british-the-chinese-backdown/> (дата обращения: 04.12.2022).

New York Tribune (New York).

Outer Mongolia. Treaties and Agreements. Carnegie Endowment for International Peace. Division of International Law. Pamphlet no 41. Washington, 1921.

The Sun (New York).

Van Walt van Praag, M. C. *The Status of Tibet: History, Rights, and Prospects in International Law*. Boulder, Colorado, 1987.

Washington Herald (Washington).

Washington Times (Washington).

Wood G. Z. *The Twenty-One Demands. Japan Versus China*. New York–Chicago–London–Edinburgh, 1921.